

Кондитер в лапах Сладкоежки

АМАНДА АРЧЕР

Сахарок

Аманда Арчер

Кондитер в лапах Сладкоежки

«Автор»

2026

Арчер А.

Кондитер в лапах Сладкоежки / А. Арчер — «Автор», 2026

Очнуться на аукционе невест с рецептом круассана в голове? Гениально. Меня покупает мужик, от которого пахнет кровью и ванилью. Все шепчут: «Это Сладкоежка, он убьёт тебя на завтрак». А он притаскивает меня на кухню и тычет в тесто: «Испеки мне торт. Если не понравится — я разочаруюсь».

© Арчер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лот №7 с начинкой	5
Глава 2. Кулинарный кошмар	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аманда Арчер

Кондитер в лапах Сладкоежки

Глава 1. Лот №7 с начинкой

Алиса открыла глаза и первым делом поняла, что потолок здесь совершенно неправильный.

Потолок должен быть белым. Или, на худой конец, цвета утренней тоски — серым с разводами. Но этот потолок был каменным, сводчатым и пахло от него так, будто здесь недавно казнили дракона, а потом забыли проветрить.

— Ах, вот ты какая... — пропел чей-то масляный голос прямо над ухом.

Алиса повернула голову. Рядом с ней, наклонившись так близко, что его усы щекотали ей щеку, стоял мужчина в бархатном камзоле, расшитом такими уродливыми драконами, что сами драконы застрелились бы от стыда. Его лицо напоминало хорька, который съел слишком много сливок и теперь мучительно жалел об этом.

— Простите, что? — выдавила Алиса.

— Лот номер семь, — хорек удовлетворенно кивнул куда-то в сторону. — Прелестная, свеженькая, с перламутровыми пуговицами...

— Какими пуговицами? — Алиса села слишком резко, и мир совершил кульбит, как неудачный акробат. Она была на сцене. На деревянной сцене, под каменным сводом, а внизу... внизу сидели люди. Много людей. Они смотрели на нее так, как смотрят на пирожное в витрине — с вождением и плохо скрываемой готовностью убить за последний эклер.

Она опустила взгляд. На ней было платье. Белое, кружевное, с этими самыми перламутровыми пуговицами, которые шли по спине до самого копчика. Под платьем не было ничего. И это «ничего» очень отчетливо давало о себе знать сквозняком.

— Что за... — Алиса попыталась прикрыться руками, но платье не слушалось, как перекормленный удав. — Где мои джинсы? Где моя кофта с надписью «Выпечка — это химия»?

— Она говорит на каком-то древнем диалекте, — восхищенно прошептал хорек в первом ряду. — Слышите это гортанное «р»? Чистый южный варварский говор. Очень экзотично. Две монеты!

— Это французский, идиот! — заорала Алиса. — Я из Лиона, мать вашу! Лион, Франция, Земля! Если вы меня похитили, то найдите — мой парень играет в регби и у него очень злая мама!

В зале повисла тишина. А затем кто-то в задних рядах восхищенно сказал:

— Какая страсть! Какая искра! Она кричит на чистейшем наречии эльфийских гор!

— Это не эльфийские горы, это Лион! — Алиса попыталась встать, но каблуки — о, да, у нее еще были каблуки, десятисантиметровые убийцы — подвели ее, и она шлепнулась обратно на колени. — Там есть река, есть потрясающий рынок Сен-Антуан, и я должна была сегодня печь черничный тарт на заказ для свадьбы дочери мэра!

Аукционист — пухлый человечек в парике, который лежал на его голове, как уставший пудель — поднял молоточек.

— Дамы и господа, перед вами редкость! Попаданка! — он произнес это слово с таким трепетом, будто речь шла о бриллианте размером с кулак. — Явление чрезвычайно редкое в наших краях. Последняя попаданка, напомним, вышла замуж за герцога Вонючего и подарила ему семерых здоровых...

— Ни за кого я не выйду! — Алиса наконец нашла равновесие и выпрямилась во весь рост. Платье предательски сползло с левого плеча, но ей было плевать. — Вы слышите? Я

не вещь! Я человек! У меня есть диплом кондитера третьей степени, и я знаю три способа отравить человека мускатным орехом так, что никто не заметит!

— Она угрожает! — радостно объявил аукционист. — Это повышает цену! Кто даст три золотых?

— Четыре! — крикнул хорек.

— Пять! — поддержал кто-то в красном, с лицом, похожим на кусок старого сала.

Алиса запаниковала. По-настоящему. Та самая паника, когда мозг говорит: «Спокойно, найдем выход», а тело уже побежало в сторону и кричит.

— Я не умею готовить! — выпалила она первое, что пришло в голову. — Вообще! Я подожгла кухню три раза! Мои круассаны убегают от меня! Однажды мой профитроль выиграл конкурс на самого страшного монстра в городе!

В зале зашумели.

— Бесполезная попаданка? — разочарованно протянуло сало.

— Это еще интереснее, — прошептал хорек. — Их можно переучивать. Дрессировать. Как маленьких собачек. Два золотых!

— Три!

— Четыре!

Алиса поняла, что её единственное оружие — это правда. А правда заключалась в том, что она действительно была кондитером. И чертовски хорошим. Но сейчас её задача — не быть купленной. Её задача — быть настолько ужасной, чтобы никто не захотел платить.

— Я ем руками! — крикнула она. — Я никогда не мою посуду! У меня дома живет кошка, которая гадит в тапки, и я её обожаю!

— Пять!

— Шесть!

— Я храплю! — уже отчаянно добавила Алиса. — Так, что соседи вызывают полицию! У меня целлюлит! Я коллекционирую кактусы и разговариваю с ними!

— Десять золотых! — рявкнул кто-то сбоку, и этот голос перекрыл весь шум.

Алиса замерла.

В проходе, прислонившись к колонне, стоял мужчина. Нет, «мужчина» — это слишком мягко. Там стояла гора. Гора в рваном черном плаще, который, казалось, пережил несколько войн, пару апокалипсисов и одну очень неудачную стирку с агрессивным отбеливателем. Его плечи были шириной с дверной проем, а руки — с хорошую баранью ногу. В правой руке он держал топор. Топор был огромным, зловещим и, что самое странное, на лезвии была выгравирована надпись вензелями: «Сахарок».

Лицо мужчины скрывала черная маска из плотной кожи. Видны были только глаза — темные, бездонные, как два колодца, в которых утонуло много надежд. Но в них не было злобы. Там было... любопытство. Голодное, опасное любопытство.

— Десять золотых, — повторил он, и его голос звучал как камни, перекатывающиеся в бочке. — За эту.

Аукционист побледнел. Хорек поперхнулся собственными усами. Сало сползло под стул.

— М-магистр Этьен... — залепетал аукционист. — Честь для нас... но вы уверены? Это обычная попаданка, без особых талантов...

— Я сказал — за эту, — Магистр Этьен сделал шаг вперед, и половина зала инстинктивно отодвинулась. Топор «Сахарок» звякнул о каменный пол, высекая искры. — Она смешная.

— Я не смешная! — возмутилась Алиса, забыв о страхе. — Я страшная и ужасная! Я говорю с кактусами!

— Это смешно, — Этьен пожал плечами, и плащ угрожающе зашелестел. — Десять золотых. Забираю.

Аукционист открыл рот, закрыл, открыл снова. Молоточек выпал из его дрожащих пальцев.

— Но правила... торги... повышение...

— Кто повысит? — Этьен медленно обвел взглядом зал. — Повысит кто?

Тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом. Хорек вжался в кресло и сделал вид, что рассматривает узоры на своем камзоле. Сало отвернулось к стене и задышало через раз.

— Десять золотых, — подвел итог аукционист, шлепнул молоточком по столу (молоточек предварительно пришлось поднимать с пола). — Лот номер семь продан. Поздравляю, магистр. Она ваша.

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног. В прямом смысле — её подхватили под мышку, как мешок с мукой, и понесли к выходу.

— Поставьте меня! — заверещала она, болтая ногами в воздухе. — Я не мешок картошки! Я Алиса Дюбуа, черт возьми!

— Я знаю, — спокойно ответил Этьен. Его шаги были тяжелыми и размеренными. — Ты сказала. Дюбуа. Из Лиона.

— Из Лиона! — подтвердила Алиса, пытаясь укунить его за руку. Рука была твердой, как дубовая доска. — И у меня там семья! Друзья! Работа!

— Теперь у тебя есть я, — отрезал Этьен. — И кухня.

— Какая кухня? — Алиса перестала брыкаться от неожиданности.

— Моя. Ты будешь печь. Печь для меня.

Они вышли из здания аукциона — мрачного, готического сооружения, которое выглядело так, будто его спроектировал архитектор в припадке депрессии. Снаружи было темно. Очень темно. Над головой висели две луны — одна фиолетовая, вторая зеленая, и обе смотрели на Алису с насмешкой.

— Где я? — прошептала она.

— В моем мире, — Этьен поставил её на землю, но руку с плеча не убрал. — В мире, где убийцы — это профессия. Гильдия. Контракты. Кровь.

— А ты?

— Я — лучший. Меня называют Сладкоежка. За то, что люблю... сладкое.

Алиса подняла взгляд на его маску, на шрамы, виднеющиеся из-под края, на топор с именем «Сахарок».

— Сколько тебе лет? — спросила Алиса.

— Неважно, — Этьен отвернулся. — Пойдем. Замок далеко.

Он снова подхватил её и зашагал в ночь, где две луны светили так ярко, что отбрасывали две тени. И каждая тень была разного цвета.

Алиса закрыла глаза и подумала: «Когда я проснусь, я больше никогда не буду жаловаться на то, что в духовке перегорела лампочка. Никогда».

Она не проснулась.

Вокруг был лес. Не такой, как во Франции — аккуратный, облагороженный, с табличками «Осторожно, белки». Нет, это был лес, где деревья росли корнями вверх, а ветвями вниз, и с них свисали светящиеся грибы, похожие на маленькие зонтики.

Этьен шагал так быстро, что Алиса перестала пытаться разглядеть дорогу. Она просто висела у него под мышкой, как плюшевый мишка, и размышляла о превратностях судьбы.

— У тебя есть дом? — спросила она, чтобы нарушить тишину.

— Замок.

— Большой?

— Достаточно.

— С привидениями?

Этьен задумался. На секунду его шаг замедлился.

— Было одно. Я его убил. Мешало спать.

Алиса моргнула.

— Как можно убить привидение?

— Топором. Сахарком. Он умеет.

— Твой топор умеет убивать привидения?

— Он много чего умеет, — Этьен погладил лезвие свободной рукой, и топор издал тихий, довольный звон. — Сахарок — хороший мальчик.

Алиса решила, что, возможно, у неё галлюцинации. Или, что более вероятно, её похитили сектанты-кулинары, накачали галлюциногенами, и сейчас она лежит в какой-нибудь канаве в пригороде Лиона.

— Окей, — сказала она вслух. — Допустим, я не сплю. Допустим, я действительно в другом мире. Допустим, ты — палач с топором по имени Сахарок. Вопрос: зачем я тебе?

Этьен остановился. Поставил Алису на землю. Повернулся к ней лицом, и даже в темноте, даже сквозь маску, она почувствовала тяжесть его взгляда.

— Я не чувствую вкуса, — сказал он глухо. — Совсем. Еда — как песок. Как вода. Как ничего. Убийство — да. Когда я убиваю, я чувствую вкус. Крови. Страха. Металла на языке. Это единственное, что я могу... попробовать.

Алиса отступила на шаг. Потом на второй.

— Ты хочешь сказать... что я должна... убивать для тебя?

— Нет, — Этьен покачал головой. — Ты должна печь. Печь так, чтобы я почувствовал. Кондитер. Ты же сказала — ты кондитер.

— Я соврала! — быстро выпалила Алиса. — Я не умею печь! Я вообще школу не закончила! Я — бездарность!

— Ты соврала на аукционе, — спокойно сказал Этьен. — Я знаю. Твои глаза. Когда ты говорила про круассаны, они горели. Ты любишь выпечку. Ты в ней — мастер.

— Откуда ты...

— Я вижу, — он коснулся пальцем своего виска. — Чувствую. Запах. Тесто. Дрожжи. Ваниль. Он въелся в твою кожу. Ты пахнешь пекарней. Моей любимой.

Алиса поднесла руку к носу. Понюхала. Действительно, пахло сдобой. Ванилью. И немного — сливочным маслом.

— Это... моя рабочая одежда была, — растерянно сказала она. — Я переоделась перед аукционом? Не помню.

— Неважно, — Этьен развернулся и зашагал дальше. — Замок близко. Испечешь мне торт. Если понравится — останешься.

— А если нет?

Этьен остановился. Не оборачиваясь, сказал:

— Я разочаруюсь. А я в разочаровании опасен.

— Ты и так опасен! — крикнула Алиса ему в спину.

— Опаснее, — уточнил он и снова подхватил её под мышку.

Лес закончился внезапно. Перед ними возвышался замок — мрачный, черный, с башнями, похожими на клыки, и рвом, в котором плавало нечто зеленое и периодически вздыхающее.

— Это твой дом? — спросила Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Наш, — поправил Этьен. — Теперь наш.

Он перешагнул через ров (просто перешагнул, хотя ров был шириной в три метра), толкнул дубовые ворота ногой, и они вошли внутрь.

Внутри было... чисто. Удивительно чисто. Никаких черепов на стенах, никаких паутин в углах. Полы натерты до блеска, на столе — свежие цветы в вазе, а из кухни доносился аромат... корицы?

— У тебя есть повар? — удивилась Алиса.

— Нет, — Этьен поставил её на пол. — Я сам убираю. И готовлю. Но не чувствую вкуса, так что... это бессмысленно.

Он провел её через главный зал, где камин пылал так жарко, что Алисе пришлось расстегнуть верхние пуговицы платья, и толкнул дверь на кухню.

Кухня была огромной. Профессиональной. С духовкой, которая занимала целую стену, с медными кастрюлями, свисающими с потолка, с мраморными столами для раскатки теста. На одном из столов лежал мешок муки, рядом — масло, яйца, сахар. Идеальный набор.

— Нравится? — спросил Этьен.

Алиса подошла к столу. Провела пальцем по мраморной поверхности. Чисто. Холодно. Идеально.

— Это... профессиональная кухня, — прошептала она. — Где ты её взял?

— Заказал. У лучших мастеров. Я ждал... — он запнулся. — Ждал того, кто сможет на ней работать.

— Ты ждал кондитера?

— Ждал тебя, — сказал Этьен так тихо, что Алиса не была уверена, что расслышала правильно.

Она повернулась к нему. Он стоял в дверях, огромный, неуклюжий, с топором в руке, и смотрел на неё так, будто она была последним кусочком шоколадного торта в мире, где больше нет шоколада.

— Испеки, — попросил он. — Пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало так неожиданно, так по-детски, что Алиса почувствовала, как что-то сжимается у неё в груди. Она хотела сказать «нет», хотела потребовать, чтобы её отпустили, хотела закатить истерику. Но её руки уже тянулись к муке. Её пальцы уже вспоминали, как тесто должно чувствоваться.

— Торт, говоришь? — спросила она, закатывая рукава. — Какой?

— Любой, — Этьен сел на табурет у двери, положил топор на колени и уставился на неё. — Тот, который заставит меня почувствовать.

Алиса вздохнула. Посмотрела на ингредиенты. На духовку. На этого странного мужчину с топором.

— Ну, — сказала она, разбивая яйцо в миску, — держись, Сладкоежка. Сейчас ты попробуешь такой шоколадный фондан, что у тебя крыша поедет.

— Она уже поехала, — серьезно ответил Этьен. — Давно.

Алиса хмыкнула и принялась за работу.

Впервые за весь этот безумный день она не думала о побеге. Не думала о том, как вернуться домой. Она думала только о тесте. О шоколаде. О том, чтобы сделать идеальную серединку — жидкую, горячую, текучую.

Потому что, если уж умирать, то с чистой совестью и с идеальным фонданом.

Глава 2. Кулинарный кошмар

Шоколадный фондан получился идеальным.

Алиса знала это ещё до того, как открыла духовку. Запах — тёмный, насыщенный, с нотами карамели и намёком на малину — заполнил кухню, и даже камни, казалось, задышали глубже. Она достала противень, переложила пирожное на тарелку, посыпала сахарной пудрой и добавила веточку мяты для красоты.

— Готово, — сказала она, ставя тарелку перед Этьеном.

Магистр смотрел на фондан так, будто перед ним лежала бомба. Топор «Сахарок» он предусмотрительно отставил в сторону, но пальцы всё равно нервно барабанили по колену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.